

ОМА, в его кабинете, на отдельном столике у стены лежали аккуратно разложенные необычные вещи: немецкая каска времен войны с кайзеровской Германией, маленький осколок снаряда с острыми зазубренными краями, солдатский георгиевский крест и несколько георгиевских медалей, деревянная кобура от маузера, матросская бескозырка, фотографии трех неразлучных боевых друзей периода гражданской войны: Ивана Паланина, Петра Попова и самого хозяина дома — Всеволода Вишневого.

Он очень дорожил этими памятными для него предметами: осколок снаряда когда-то он был ранен, каску добыл во время разведки в тылу противника, награды «георгиевские» получил за храбрость и отвагу, матросскую бескозырку носил в годы службы на флоте, а фотография трех «корешей», как он называл своих товарищей по ратым подвигам, относилась к дням боев на бронепоездах и в партизанских отрядах в Крыму, в тылу у врангелевских войск.

Мне посчастливилось в течение почти двадцати лет быть в творческой и личной дружбе с этим замечательным человеком.

Невысокого роста, коренастый, широкоплечий, с пронзительным, умным взглядом темных глаз, с простым округлым русским лицом, он сразу располагал к себе — чувствовалась незаурядность, значительность и обаяние его личности.

Живя неподалеку друг от друга, мы встречались почти ежедневно. Часто я заставал Всеволода Витальевича в полутемном кабинете, всем корпусом склонившегося к радиоприемнику. Меняя волну, он напряженно вслушивался в голоса столиц и стран. Временами подходил к столу и записывал в клеенчатую тетрадь несколько строк.

Не раз Вишневецкий рассказывал мне о своем жизненном пути, вспоминал юношеские годы, службу в армии и на флоте. Четырнадцать лет он ушел из дома родителей, проживавших в Петрограде, добрался до фронта, где добровольцем воевал в пехотных частях. В дни Октябрьской революции Всеволод Вишневецкий, боец-красногвардеец, участвует в вооруженном восстании, потом воюет против двинутых на Питер войск Керенского. В начале 1918 года идет добровольцем в Красный флот на Балтике...

С увлечением рассказывал он о сопровождении поезда Советского правительства из Петрограда в Москву, о службе в охране Совнаркома и о том, как стал пулеметчиком на флагманском корабле Волжской флотилии, называвшемся «Ваня-коммунист».

Есть фотография Всеволода Витальевича — и четырнадцатилетнего солдата царской армии, и в матросской бескозырке: в ней он воевал на бронепоездах, в Первой Конной армии, в партизанских отрядах в горах Крыма.

Писать он начал рано. Сохранились его юношеские записные книжки периода первой мировой войны, корреспонденции в армейских газетах после Октября — очерки, статьи о жизни бойцов Красной Армии, о матросах, сражавшихся с белогвардейскими полчищами.

И как закономерное следствие столь богатой биографии и одаренности возникло первое художественное произведение Вишневецкого — героическая пьеса «Первая Конная», с успехом прошедшая во многих театрах страны.

Часто, рассказывая мне о своем прошлом, о всем пережитом, он подходил к столику и любовно перебирал разложенные на нем вещи, поясняя, при каких обстоятельствах и где он добыл их в годы своей бурной военной жизни.

Юношеские записные книжки ко времени нашей дружбы заменили тетради в черных клеенчатых обложках, их хранилось в шкафу много.

Но последняя всегда лежала открытой на недописанной

странице на круглом столе у дивана. Это были дневниковые записи, которые писатель вел систематически и ежедневно из года в год. В них он отмечал те или иные события времени, литературные повседневные заботы, излагал мысли о нарастающей опасности войны с гитлеровской Германией, чертил схемы боевых операций в республиканской Испании против войск Франко, вклеивал помещенные в газетах заметки о маневрах Красной Армии, о росте могущества наших Вооруженных Сил.

Уже будучи известным писателем, автором ряда пьес, редактором журнала «Знамя», секретарем правления Союза писателей СССР, он всегда чувствовал себя человеком военным, готовым в любой момент идти сражаться с врагами Советской страны.

Он многие годы после де-

дах с командирами и солдатами, о технической оснащенности воинских частей.

Особенно воодушевляло Вишневецкого пребывание на кораблях его родной Балтики. Перед съемками фильма «Мы из Кронштадта» мы вместе ходили в учебные плаванья на линкорах, подлодках, торпедных катерах. И всюду Всеволод выступал перед моряками, иногда по нескольку раз в день. В это время я воочию увидел, какой это был замечательный оратор-трибун.

Будто заряд большой эмоциональной мощности заполнял аудиторию, и люди, замечая, ловили каждое слово Вишневецкого, атмосфера в каюткомпаниях, в матросских экипажах, в Кронштадтском доме офицера накалялась так, что слушатели, казалось, готовы были по первому зову ринуться в бой!

Ефим ДЗИГАН, народный артист СССР, профессор

БОЕЦ, ПИСАТЕЛЬ, ТРИБУН

мобилизации носил военноморскую форму, любил флотскую терминологию: «трап», «камбуз», «свистать всех наверх», часто произнося эти слова во время дружеских застолий и веселых вечеров, когда собирались его близкие товарищи по литературе и военной службе. Он дружил с такими выдающимися военными, как генералы О. Городовиков, А. Игнатьев, автор книги «Пятьдесят лет в строю», с «корешами» — И. Папаниным, П. Поповым и многими другими.

В творческой своей жизни Всеволод Витальевич всегда мыслил очень широко, страстно, убежденно, был непоколебимо принципиален в идейной направленности литературы, в ее партийном содержании, в ее высоком предназначении, с огромной ответственностью относился к своей литературной работе.

Помню, когда я впервые пришел к нему в 1933 году с предложением экранизировать только что появившуюся его пьесу «Оптимистическая трагедия», Всеволод Витальевич строго сказал:

— Мне не нравится отношение ряда авторов к кино. Они смотрят на киноискусство как на подсобное средство для издания очередной разновидности своего романа, повести или пьесы. Кино — искусство нового типа. Его возможности, его выразительные средства грандиозны. Пользоваться таким оружием лишь для того, чтобы пересказывать прозу или пьесы, поистине преступно.

Позднее, после выхода на экран моего фильма «Мы из Кронштадта», снятого по сценарию Всеволода Вишневецкого, он дословно повторил эту свою позицию в книге, посвященной процессу его работы над сценарием, вышедшей в 1936 году...

Над чем бы ни работал Вишневецкий, будь то пьеса, роман, сценарий, очерки или статьи, он неизменно проявлял в своем творчестве чувство величайшей ответственности за все произведение в целом и за каждую строку в нем!

Свою связь с военной средой он не прерывал всю жизнь. Выезжал на маневры флота, в Дальневосточную армию, даже во время отдыха на Кавказе или у Черного моря всегда посещал воинские части, флотские экипажи, пограничные заставы.

Обычно молчаливый, немногословный, он после общения с военными товарищами преобразался. С удовольствием рассказывал подробно о своих впечатлениях, а вечером испускал страницы дневника обо всем, что видел, о бесе-

Известно, что Всеволод Витальевич великолепно читал свои пьесы и сценарии. Он, по существу, проигрывал, как прекрасный актер, каждую сцену, выступал в каждой роли, горячо переживал чувства героев, их поступки и события, в которых они участвовали.

Я не раз слышал его чтение сценария «Мы из Кронштадта». Когда шел эпизод казни моряков, плененных белыми, из глаз Вишневецкого катились слезы. Он мужественным, коротким взмахом руки смахивал их со щек, но слезы продолжали увлажнять его лицо до самого конца сцены.

Вишневецкий обладал необычайно богатым воображением, вследствие чего в процессе чтения рождались в порядке мгновенной импровизации новые реплики и эпизоды, которых не было в рукописи. Заметив это, я стал записывать то, что так вдохновенно возникало у Вишневецкого во время читки, чтобы потом напомнить автору и вписать в сценарий.

Во время одной из читок Вишневецкий вдруг начал импровизировать сцену и реплики с пленным белым солдатом. Парень был одет в английскую шинель и соответствующую фуражку. Комиссар, приняв парня за иностранца, начал допрашивать его по-английски. Солдат молчал, хлопая глазами. Комиссар задал вопрос по-немецки. Пленный, недоумевая, молчал. Кто-то из моряков подсказал комиссару:

— Может, он португаль? Солдат, услышав русскую речь, осклабился и сообщил: — Мы псковские... мобилизованные...

Дальше продолжался разговор пленного с комиссаром.

«Псковской» после выхода фильма на экран живо воспринимался зрителями, и это прозвище стало нарицательным.

В результате такой же вдохновенной импровизации появилась на читке в Союзе писателей и сцена с матерью гитариста во время проводов отряда моряков на фронт.

Под бравурный марш уходили на сухопутные позиции кронштадтские моряки. К гитаристу подбегала старушка мать, протягивала сыну маленькую иконку:

— Возьми вот образок Микола морского...

Гитарист отстранил руку матери:

— Мамаша, вы меня компрометируете!..

Отряд шагал крупным, четким шагом по пирсу. Мать, стараясь не отстать от сына, торпливо рассматривала мелкими шажками.

— Мамаша, давайте идти в ногу, — просил гитарист.

И мать старательно пыталась приладиться к размахистому шагу сына. Ей это не удавалось. Постепенно старушка отстала от моряков, пока не осталась в одиночестве на опустевшем пирсе, глядя вслед ушедшему сыну.

Какое яркое воображение, ясное видение должно было быть у писателя, чтобы так, с ходу, рассказать во всех подробностях подобные эпизоды!

С первых дней Отечественной войны Вишневецкий уже был на Балтике. Мне рассказывали командиры, что во время похода боевых кораблей со своей базы (к ней вплотную подступили фашистские армии) в Кронштадт немецкая авиация жестоко бомбила наши корабли. Вишневецкий стоял на палубе с записной книжкой в руках. Море вскипало при разрывах огромными фонтанами воды. Вокруг нашей эскадры

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

В. В. ВИШНЕВСКИЙ.

был огненный ад. А Вишневецкий, не уходя с палубы, спокойно записывал все происходящее, все детали этого героического похода.

Всеволод отличался исключительной храбростью. Боевая обстановка была его стихией. В дни блокады Ленинграда я встретился там с Вишневецким. Опаленный огнем и непрестанными обстрелами, город был как никогда прекрасен великим мужеством его защитников.

Мы с Вишневецким поехали на завод, находившийся на переднем крае обороны. Происходила закладка нового боевого корабля. Собирались рабочие, руководители, коммунисты. Вишневецкому была оказана честь заложить в основание корабля памятную чугунную доску. После этой церемонии Всеволод выступил перед собравшимися с речью. И, как всегда, заворожил слушателей своими пылкими словами. В это время начался обстрел. Снаряды стали рваться на территории завода. Но писатель, не обращая никакого внимания на близкие разрывы, продолжал свое выступление, говорил о неминуемой нашей победе.

Ни один человек не ушел в укрытие, не проявил малодушия и страха. Перед таким мужественным, отчаянно храбрым оратором иначе вести себя было нельзя.

В самые тяжелые месяцы блокады Вишневецкий систематически выступал по радио. Его речи, полные партийной страстности, несокрушимой веры в нашу победу, слушали в окопах и блиндажах, на улицах Ленинграда, они передавались по всей стране. Без преувеличения можно сказать, что радиовыступления писателя-бойца воодушевляли защитников города, укрепляли их стойкость и мужество.

От стен Ленинграда Вишневецкий дошел с нашей армией до Берлина, до самого логова фашизма. А впоследствии Всеволод Витальевич был на Нюрнбергском процессе, откуда присылал в «Правду» яркие очерки о суде над фашистскими военными преступниками.

После наших великих побед, когда падение Берлина было уже преддверием, Вишневецкий наряду с орденами стал носить и свои награды времен первой мировой войны — георгиевский крест и медали. Этим он как бы подчеркивал единство своего боевого пути на протяжении многих лет...

И в своей литературной деятельности Всеволод Вишневецкий неизменно считал себя «революцией мобилизованным и призванным» воином-командиром. Даже уже не находясь в рядах армии, он горячо любил все, что связывало его жизнь с нею.

Иногда эта черта характера писателя проявлялась просто душно и трогательно. Так, во время нашего пребывания в 1936 году в Лондоне Всеволод Витальевич решил купить себе плащ. Мы обошли ряд магазинов, но все, что там предлагали, Вишневецкого не устраивало. Наконец, устав от долгих поисков, жена писателя художница С. К. Вишневецкая сказала:

— Не знаю, что ты в конце концов ищешь?

— Как ты не понимаешь, — возмутился Всеволод, — мне нужен простой серый командирский плащ!

Он имел в виду такого типа плащи, какие в те годы носили в Красной Армии. И это искал в Лондоне!..

Он был бойцом и в литературе. Он боролся за утверждение на сценах театров и в кинематографии высокой, партийной идейности, за монументализм, за эпическое отображение явлений действительности. Он был яростным противником сугубого бытовизма, ограниченной, замкнутой среды действия, сужения масштаба событий до судеб нескольких персонажей, что исключало возможность показа массовых, народных сцен, характеризующих собой очень значимые, революционные особенности эпохи.

В своих произведениях — и в прозе: рассказы, эпопея «Война», и в драматургии: пьесы «Первая Конная», «Последний решительный», «Оптимистическая трагедия», «У стен Ленинграда», «Раскинулось море широко...», сценарии «Мы из Кронштадта», «Мы, русский народ», — Вишневецкий своей творческой практикой успешно доказывал богатейшие возможности избранного им принципиального и новаторского пути в искусстве.

Не случайно он был близок с Сергеем Эйзенштейном, Эсфирью Шуб, Александром Довженко. А его пьесы ставили выдающиеся театральные режиссеры: Александр Таиров, Всеволод Мейерхольд, Георгий Товстоногов, Алексей Дикий и другие.

Каждое драматургическое произведение писателя становилось событием в искусстве, возникали бурные дискуссии, зрители горячо воспринимали новаторское, страстное, необычайно темпераментное, глубокое по мыслям творчество Вишневецкого.

«Мы из Кронштадта» и «Оптимистическая трагедия» стали классикой советского искусства и до сих пор показываются на сценах театров и на экране в нашей стране и за рубежом.

Шесть томов произведений коммуниста Всеволода Вишневецкого, постоянно призывавшего к смелым поискам новых путей в драматургии, к отображению величия дел и свершений нашего народа, воспевавшего героико-подвиги доблестной Советской Армии, — это всегда живое, неуядаемое творческое наследие замечательного писателя, драматурга, воина и трибуна.